

Итоги царствования.

Итак, правительству Михаила Федоровича не удалось быть верным старине, не удалось ему добиться своей цели, т. е. исправить администрацию и устроить благосостояние. Несмотря на это, оно сделало много, даже чрезвычайно много; внешние недруги Руси, Польша и Швеция, снова стали видеть в Москве сильного врага; казачество смирилось.

Московские государи решились даже возобновить войну с Речью Посполитой за Смоленск. Поводом послужила смерть короля Сигизмунда (1632) и наступившее в Польше «бескорольевье»: до избрания нового короля поляки и литовцы не могли воевать. Московское войско, состоявшее из новых полков иноземного строя и из старых дворянских ополчений численностью всего в 32000 человек, пошло к Смоленску, взяло много мелких городов на границе и осадило Смоленск. Так как Смоленск был чрезвычайно сильной крепостью, то осада затянулась надолго, несмотря даже на то, что во главе московских войск стоял тот самый боярин Шеин, который в смутное время был воеводой в Смоленске, геройски защищал его от короля Сигизмунда и знал хорошо как город, так и его окрестности. Через восемь месяцев осады на помощь Смоленску успел явиться вновь избранный король польский Владислав Сигизмундович. Он не только отбил русских от крепости, но окружил их самих в их лагере. Утомленные долгой войной московские войска не могли выдержать натиска свежих войск Владислава, и Шеин вступил в переговоры с королем. Он согласился отдать полякам все свои пушки и обоз и уйти в Москву (1634). За это бесславное отступление он был в Москве казнен как изменник вместе со своим товарищем, вторым воеводой Измайловым. Война продолжалась, но без всякого нового успеха для Владислава. Поэтому летом 1634 г. он начал переговоры о мире. На пограничной речке Поляновке съехались московские и польские послы и заключили «вечный мир». Смоленск и прочие города, захваченные Сигизмундом в смуту, остались за Речью Посполитой. Но Владислав отказался от всяких прав на московский престол и признал Михаила Федоровича царем всея Руси. Это было очень важно.

Но утомленное войной и еще не забывшее смутных потрясений Московское государство экономически было так расшатано, что и в конце царствования Михаила Федоровича на Земских соборах в 1632-1634 гг. (по поводу польской войны) и 1637 г. (о турецких делах) обсуждался недостаток средств и даже людей у правительства. В 1632-1633 гг. по земскому приговору снова собирается пятая, или «пятинная», деньга (такого рода сбор производится уже третий раз при Михаиле Федоровиче), и она дает в сумме менее, чем давала прежде. На соборе же 1642 г. (по поводу азовского вопроса) перед правительством очень ясно вскрылись нужды и желания сословий. До нас дошли письменные мнения, или «сказки», представителей этого собора относительно азовского дела. Особенно интересны «сказки» низших служилых и тяглых людей. Первые в своих сказках обнаружили замечательный, по тому времени, политический смысл и представляли целые военные и финансовые проекты. Собору было предложено два вопроса по поводу Азова: 1) принять ли Азов от донских казаков? 2) если принять, то какими средствами держать его? На первый вопрос духовенство и меньшинство выборных не дало своего определенного мнения, предоставляя решение воле государя. «А в приемке города Азова, в том его государева воля», – говорят они. Остальное же большинство выборных прямо высказалось за принятие Азова и, следовательно, за разрыв с турецким султаном. Второй вопрос был разработан членами собора, особенно мелким дворянством, очень обстоятельно. Но в данную минуту для нас всего интереснее те мнения выборных, которые, наряду с проектами защиты Азова, указывают правительству на всеобщую разоренность и на злоупотребления администрации, единого класса,

которому жилось хорошо в те тяжелые времена. Вот что говорят, между прочим, городские дворяне о дьяках: «Твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим денежным жалованьем, поместьями и вотчинами, а будучи беспрестанно у твоих дел и обогатели многим богатством неправедным от своего мздоимства, купили многие вотчины и дома свои построили многие, палаты каменные такие, что неудобь сказаемы: блаженной памяти не бывало, кому было достойно в таких домах жить». Далее вот как рисуется положение торгового класса: «Мы холопы твои, гостишки и гостинной и суконной сотни торговые людишки городовые, питаемся на городах от своих промыслишков, а поместий и вотчин за нами нет никаких, службы твои государевы служим на Москве и в иных городах ежегод беспрестанно и от беспрестанных служб и от пятинных деньги, что мы давали тебе в смоленскую службу ратным и всяким служилым людям на подмогу, многие из нас оскудели и обнищали до конца. А будучи мы на твоих службах в Москве и в иных городах собираем твою государеву казну за крестным целованием с великою прибылью, – где собиралось при прежних государях и при тебе в прежние годы сот по пяти и по шести, теперь собирается с нас и со всей земли нами же тысяч по пяти и по шести и больше, а торжишки у нас стали гораздо худы, потому что всякие наши торжишки на Москве и в других городах отняли многие иноземцы немцы и кизильбашцы (персияне)». Одинаково интересна и «сказка» самых мелких – черных сотен людей: «Мы, сироты твои, черных сотен и слобод сотские и старостишки и все тяглые людишки, ныне грехом своим оскудели и обнищали от великих пожаров и от пятинных денег и от даточных людей, от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе государю в смоленскую службу (в 1632-33 гг.) и от поворотных (с ворот двора) денег от городского земляного дела и от твоих государевых великих податей, и от многих целовальнич (выборных) служб, которыхы мы, сироты, в твоих государевых, в разных службах на Москве служим с гостями и опричь гостей. И от тое великия бедности многие тяглые людишки из сотен и из слобод разбрелися розно и дворишки свои мечут» (Собр. гос. гр. и дог. III, № 113). Такие картины были недалеко от правды и не составляли большой новости для правительства. Жить было действительно трудно: государство требовало очень больших жертв, обстоятельства не позволяли сколько-нибудь разжиться, разбогатеть. Недовольное своим экономическим положением общество ищет причин своего разорения и, находя их в том или другом, бьет челом государю об их устранении.

Рассматривая массу частных и коллективных челобитий середины XVII в., мы узнаем, чем особенно тяготилась, против чего вооружилась земщина. Служилые люди жаловались на тяжесть и неравномерность распределения служебных обязанностей между московскими и городскими людьми. Кроме того, они были недовольны своим отношением к крестьянству: крестьяне продолжали выбегать из-за них, и отыскивать их было трудно, несмотря на то что при Михаиле Федоровиче была установлена для беглых десятилетняя давность; крупные землевладельцы часто переманивали к себе крестьян, результатом чего являлось неудовольствие дворянства против бояр и духовенства. Одним из пунктов недовольства дворян против духовенства было еще то, что последнее прибирало к рукам земли служилых людей, несмотря за запрещение 1584 г., а между тем с выходом этих земель из службы последняя падала все тяжелее и тяжелее на остальную массу служилых земель. Итак, облегчение служб и более верное обеспечение за собой крестьянского труда – вот заботы служилого сословия.

Тяглые люди жаловались на тяжесть податей, которые действительно большим бременем ложились на них; особенно плохо приходилось им от сбора пятинной деньги, которая их вконец разоряла. Такого рода тяжелые подати вызвали бегство тяглецов из общины, последняя же, в силу круговой поруки, должна была платить и за выбывших членов. Для подобных беглых людей всегда был готов приют в

боярских и монастырских владениях, где существовали целые промышленные слободы, – и беглые закладывались за беломестцев и, обходя таким путем закон, освобождались от податей и повинностей. Вышеназванные слободы, конкурируя в торговле и промыслах с тяглыми общинами, еще более подрывали благосостояние последних. Не ограничиваясь этим, беломестцы вторгались даже в самые слободы и посады, покупая там дворы и таким образом обеляя их (т. е. освобождая их от платежа податей). Итак, тяжесть податей и конкуренция в промыслах были главным злом для посада, который и стремился замкнуться так, чтобы выход из общины и вход в нее были закрыты, а затем желал облегчить свою податную тягость. Мы уже видели, что собственно торговые люди имели еще новую неприятность в виде конкуренции иностранцев.

Вообще же все классы страдали одинаково от воеводских насилий и приказной волокиты.

Таково было к тому времени, когда умер Михаил Федорович, положение общества, поборовшего смуту и успевшего избавить государство от распада.